

Л. В. <Л. М. ВАСИЛЕВСКИЙ>

**Александр Блок. Стихи
о Прекрасной Даме**

Книгоиздательство «Гриф». М., 1905

Целый том стихов об *одной* прекрасной даме — теперь, когда у всех русских людей одна *общая* прекрасная дама, и к ней все мысли, все чувства, все переживания...¹ Постараемся, однако, отвлечься от условий минуты и присмотримся к самым стихам. Основное свойство всех стихов сборника это — искусственная простота и, как следствие этого, неискренность. Даже в обращении к женщине, где непосредственность чувства легче всего могла бы предохранить автора от нарочитости, даже в них придуманность и поза. Образы не лишены местами *красивости*, настроения, изящества, но и красивость, и изящество — внешние, холодные, неподлинные.

Я, изнуренный и премудрый,
Восстав от тягостного сна,
Перед тобою, златокудрой,
Склоняю долу знамена.
Конец всеведущей гордыне.
Прошедший сумрак разлюбя,
Навеки преданный святыне,
Во всем послушаюсь Тебя.
Зима пройдет — в певучей выюге
Уже звенит издалека.
Сомкнулись царственные дуги,
Душа блаженна. Ты близка.

Разве так перерождаются под влиянием любви к женщине, разве это — язык полюбившего и просветленного сердца? «В тихом воздухе тающее, знающее... Там что-то притаилось и смеется. Что смеется? Мое ли вздыхающее. Мое ли сердце радо-

стно бьется? Весна ли за окнами — розовая, сонная? Или это ясная мне улыбается? Или только мое сердце влюбленное? Или только кажется? Или все узнается?»² Так радуются счастливой любви, так переживают влюбленность? Нет, пером автора водит желание *новизны* во что бы то ни стало, какой угодно ценой; автор отравлен новизной.

Резкое впечатление фразы и выдумки производят и другие пьесы, не относящиеся к личной любви. Таково стихотворение о зеленой лампадке и лучиках («лучики побежали — три лучика») ³, таково дикое стихотворение о «Городе» (с. 70) («Блещут искристые гривы золотых, как жар, коней; мчатся бешеные дивы жадных облачных грудей... (?) Красный дворник плещет ведра с пьяно-алою водой, пляшут огненные бедра проститутки площадной...») ⁴. Приведем, наконец, кусочек совершенно бредового стихотворения «Обман».

Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутые кадки.
В светлых струйках весело танцует синева.
По улицам ставят красные рогатки.
Шлепают солдатики: раз! два! раз! два!

И этот бред тянется не «раз-два», а на протяжении девяти длинных строф. В стремлении к новизне г. Блок сплошь и рядом игнорирует ритм; стихи ковыляют, спотыкаются, ерзают в разные стороны. Конечно, у автора достаточно и музыкального чутья, и умения писать стихи, чтобы избежать этого «ковыляния» размера, но он делает это сознательно, во имя новизны *quand-même* ⁵. Но неужели такая «новизна» ценна? Что останется от стихотворной формы, если отнять у нее ее основное свойство — размеренность, ритмичность? Всякое истинное расширение форм стиха, действительное обогащение приемов поэтического творчества можно только приветствовать, но можно ли признать обогащением то новое, что подрывает основную суть обогащаемого? Но не только с требованиями ритма не считается часто автор — попадают места, в которых нельзя уловить и смысла также. Что, например, значит следующая строфа:

Я ловлю твои сны на лету
Бледно-белым прозрачным цветком.
Ты сомнешь меня в полном цвету
Белорудым усталым конем (с. 61) ⁶.

Или: «Какие бледные платья! Какая странная тишь! И лилий полны объятья, и ты без мысли глядишь» (с. 22) ⁷. Очень часто плохи и рифмы: верно — двери, несказанны — Осанна,

недвижны — непостижной, холодом — молотом, синею — инее, снежная — нежное и др. Одно стихотворение автор заканчивает так:

Кто-то долго, бессмысленно смеялся
И кому-то становилось больно,
И когда я внезапно сбивался,
Из толпы кричали: «Довольно!»⁸

Да, *так* писать — скажем и мы — довольно. Мы не станем «бессмысленно смеяться» над автором, но и нам «становится больно» при виде сознательного самоуродования и кривляния: не всякие «ужимки и прыжки» означают новизну.

